

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ТАЙНЫ

АЛЕКСЕЙ БОБЫКИН

Алексей Бобыкин

Взгляд сквозь тайну

«Автор»

2026

Бобыкин А. Н.

Взгляд сквозь тайну / А. Н. Бобыкин — «Автор», 2026

В восемнадцать лет Элиан встречает на мосту из света Селену — хранительницу миров — и мгновенно влюбляется, не подозревая, что эта встреча изменит судьбу всех реальностей. Пока они учатся слышать шёпот границ и закрывать разломы, тень прошлого настигает их: Лейлани, в чьём сердце живёт и нежность, и пламя дракона, проклиная их союз, желая уберечь Элиана — или удержать любой ценой. Между долгом и чувством, между мирами и трещинами в реальности героям предстоит сделать выбор, от которого зависит не только их счастье, но и само существование хрупкого равновесия вселенной. Смогут ли любовь и смелость победить древнее проклятие — или цена встречи окажется слишком высокой?

© Бобыкин А. Н., 2026

© Автор, 2026

Алексей Бобыкин

Взгляд сквозь тайну

Взгляд сквозь тайну

Часть 1. Элиан

Глава 1

В маленькой деревушке на окраине, где туман по утрам стелился по земле, будто прятал её от чужих глаз, родился Элиан. Дом его стоял на отшибе, у самой кромки леса, и даже соседи старались обходить его стороной — говорили, что в этом доме живёт горе.

Отец Элиана был человеком суровым и молчаливым, а горе в его душе превратилось в тяжёлый, холодный камень, который он носил с собой и время от времени швырял в тех, кто не мог увернуться. Для него сын был не радостью, а ещё одной повинностью — ещё одной парой рук, которую можно заставить таскать воду, рубить дрова, чистить хлев, убирать навоз, ворошить остывшую золу. Он не звал Элиана по имени — только «эй», «ты», «работай». И мальчик работал. Молча. Сжимая зубы, чтобы не заплакать, потому что слёзы отец ненавидел больше всего.

Дни тянулись одинаково: холод, тяжесть, тишина, в которой слышно было только скрип балок да далёкий вой ветра.

Однажды в деревню пришёл архимаг. Каждый год он пешком обходил дальние поселения — не ради славы и не ради показной милости, а чтобы своими глазами видеть, где в людях ещё тлеет искра. Он не носил пышных одежд и не ездил на белом коне: он ежегодно ходил пешком, в простом плаще, с посохом, на котором мерцали тонкие серебряные руны, похожие на замёрзшие молнии.

В тот день Элиан, как всегда, чистил хлев. Отец стоял рядом, хмуро смотрел, как сын возится в соломе, и лишь время от времени матерился. А потом в дверях появился незнакомец. Высокий, спокойный, с лицом, будто высеченным из старого камня, и глазами, в которых отражалось небо — но не обычное, а такое, будто за ним пряталось ещё десять других небес.

Архимаг не стал ничего спрашивать. Он просто посмотрел на Элиана — долго, внимательно, будто видел не мальчика в грязной одежде, а что-то большее. И когда Элиан поднял глаза, чтобы ответить на этот взгляд, между его ладонями на миг вспыхнул слабый, дрожащий свет — не огонь, не искра, а словно тонкая нить, соединяющая его с чем-то огромным.

Архимаг кивнул, будто услышал ответ на вопрос, который не задавал вслух.

— Я покупаю его, — спокойно произнёс он, доставая из складок плаща три золотые монеты. Они легли на край кормушки с глухим, тяжёлым звоном, будто каждая несла в себе вес решения.

Отец на секунду замер, взгляд его метнулся с монет на сына, потом снова на монеты. Три золотых... В этом мире за пять золотых можно было купить хорошую свинью — кормилицу, опору хозяйства. А тут — три. Не целое состояние, но деньги немалые. И мальчишка всё равно вечно норовил сбежать, вечно смотрел куда-то мимо работы, будто земля ему не родна.

— Бери, — буркнул отец, не глядя на Элиана, будто стыдясь собственной лёгкости в этом решении. — Он всё равно пользы не приносит.

Архимаг не спорил. Он лишь чуть склонил голову, принимая не столько слова, сколько согласие мира на эту сделку.

И Элиан пошёл. Не оглядываясь. Только один раз, уже у поворота дороги, он бросил взгляд на дом — и понял, что не чувствует ни боли, ни злости, ни даже облегчения. Он чувствовал только пустоту, которую хотелось чем-то заполнить.

Глава 2

Башня магов возвышалась на границе ветров — словно её специально поставили там, где сходятся все дороги и сталкиваются все бури. Стены её шептали, коридоры меняли направление, стоило лишь на миг отвести взгляд, а в воздухе витал запах озона, старой бумаги и чего-то древнего, что нельзя назвать словами.

Для Элиана всё здесь было чужим и поэтому пугающе притягательным. В первые дни он почти не говорил — только смотрел, слушал, запоминал, как падают тени, как мерцают руны на камнях, как тишина в Башне звучит совсем не так, как в отцовском доме: не как тяжесть, а как ожидание.

Обучение началось не с заклинаний, не с книг и даже не с формул силы. Оно началось с тишины и умения её слышать. Старый наставник, который взял над ним шефство, говорил мало, но каждое его слово ложилось в память, будто высеченное на камне:

— Магия — это не только то, что ты делаешь руками. Это то, что ты видишь сердцем. А сердце должно быть зорким.

Постепенно перед Элианом раскрывался мир — гораздо больший, чем он мог вообразить в той маленькой деревушке. Ему рассказали о множестве миров, лежащих рядом, будто страницы одной книги, только каждая страница живёт своим ритмом.

— В одном мире за один наш вздох проходит целая эпоха, — объяснял наставник, ведя его по узким лестницам башни, где ступени будто сами подсказывали путь. — В другом — день тянется так долго, что кажется вечностью. Ты должен научиться чувствовать эти ритмы. Иначе они разорвут тебя изнутри.

Элиан учился. Он начинал замечать, как тени движутся не вслед за светом, а по своим законам, как звёзды иногда горят не там, где им положено, как тишина бывает разной: мягкой, как пух, и острой, как лезвие.

Со временем ему открыли и самую тревожную тайну — о мире демонов.

— Граница между мирами — это тонкая плёнка, — шептали старшие ученики, когда думали, что никто не слышит. — Она держится на равновесии. Если её прорвать, тьма хлынет туда, где её не ждут. И тогда не хватит всех заклинаний Башни, чтобы вернуть свет.

Мир демонов называли самым опасным: не потому, что он был сильнее, а потому, что он жаждал нарушить порядок. И Башня магов стояла как страж, удерживая эту тонкую грань.

А ещё в Башне ходили слухи о Драконе.

— Он приходит не каждый год, — шептались в коридорах, и в этих словах всегда слышался лёгкий страх. — И никогда не приходит в одном и том же облике. То он — старик с глазами из пламени, то юноша с крыльями из дыма, то зверь, у которого вместо сердца — пустота. Он проверяет Башню. Проверяет, достойны ли мы стоять на страже. Тех, кто выдержит испытание, он превращает в архимагов. Не по милости, а по праву.

Элиан не стремился стать архимагом. Ему было достаточно просто знать, что мир огромен, что в нём есть место не только тяжёлой работе и злым словам, но и тишине, и свету, и чему-то, что можно назвать предназначением.

Годы шли. Элиан ошибался, падал, поднимался. Он научился видеть трещины в реальности раньше, чем они становились видимыми, научился слышать, как миры шепчут друг другу. Постепенно из молчаливого мальчика, привыкшего только выполнять приказы, он становился тем, кто умел стоять на границе и не давать тьме пройти дальше. Тем, кто знал цену тишине и понимал, что иногда самое сильное заклинание — это просто протянуть руку и сказать: «Я здесь».

Глава 3

И вот однажды Дракон пришёл.

Он явился не грохотом, не огнём, не ударом грома — а тихим, почти незаметным изменением воздуха. Коридоры вдруг стали чуть светлее, запахи — острее, а тишина обрела странный, звенящий оттенок. И в главном зале, там, где сходились все потоки силы Башни, появилась она.

Её звали Лейлани.

Она была такой, что у учеников перехватывало дыхание: высокая, гибкая, с волосами цвета расплавленного янтаря, струящимися по плечам, с глазами, в которых мерцали отблески далёких звёзд. В каждом её движении была грация, в каждом взгляде — обещание чего-то запретного и прекрасного. Она улыбалась легко, будто знала все тайны мира и готова была шепнуть одну-единственную — на ушко тому, кто посмеет подойти ближе.

Все смотрели на неё. Все тянулись к ней. И Элиан тоже. Он не мог не смотреть. Сердце в груди билось так громко, что, казалось, его слышно на всех этажах Башни. Но он не подходил. Стоял в тени арки, сжимал кулаки, заставлял себя не делать шаг вперёд.

Потому что он знал: это Дракон.

Знал по тому, как искажался свет вокруг неё, как воздух рядом с ней будто становился тоньше, как реальность слегка морщилась, словно ткань, которую слишком сильно натянули. Знал по тому, как старшие ученики вдруг замолкали, когда она проходила мимо, и по тому, как наставники смотрели на неё не как на женщину, а как на стихию — прекрасную, но смертельно опасную.

Лейлани заметила его. Не сразу — но заметила. Среди всех, кто тянулся к ней, кто шептал комплименты, кто пытался поймать её взгляд, она выбрала того, кто стоял в тени и не делал ни шага.

Однажды она подошла к нему — не спеша, будто просто шла по коридору и случайно остановилась рядом.

— Ты не смотришь на меня так, как остальные, — сказала она тихо, чуть склонив голову, и её голос был похож на шёпот ветра в листве. — Почему?

Элиан сглотнул. Он хотел сказать что-то вежливое, что-то заученное из уроков этикета Башни. Но вместо этого вырвалось честное:

— Потому что я знаю, кто ты.

Лейлани не стала притворяться. Не стала смеяться или отмахиваться. Она лишь чуть улыбнулась — и в этой улыбке не было ни насмешки, ни угрозы.

— Да, — проговорила она спокойно. — Я — Дракон. Но прямо сейчас я — просто Лейлани. И мне интересно, почему ты не боишься.

— Я боюсь, — признался Элиан. — Но ещё я боюсь потерять себя, если позволю себе забыть, кто ты.

Она смотрела на него долго, будто пыталась прочесть не слова, а то, что прячется за ними. Потом тихо кивнула, будто приняла какое-то решение.

С того дня Лейлани часто оказывалась рядом — не навязываясь, не требуя внимания, просто появляясь там, где он бывал: в библиотеке, на галерее, у балкона, откуда было видно, как ветры сплетаются в спирали над равнинами. Она не пыталась его покорить. Не пыталась заставить его забыть о её природе. Но каждый раз, когда она была рядом, мир казался чуть ярче, чуть теплее — и чуть опаснее.

А однажды, когда Элиан чуть не сорвался с узкой галереи, поскользнувшись на мокром камне, она оказалась рядом так быстро, что глаза не успевали заметить движение. Её рука крепко схватила его запястье, удержала, не дала упасть в пропасть.

— Я буду тебя оберегать, — прошептала она, когда он уже стоял твёрдо, и голос её звучал непривычно серьёзно, без игривости. — Сама не знаю почему. Но буду.

И она сдержала слово. Не крича об этом, не выставляя напоказ, Лейлани незаметно следила за тем, чтобы беды обходили Элиана стороной. То подталкивала наставника дать ему

более безопасное задание, то тихо шептала ветру, чтобы он не срывал хрупкие мостки, по которым Элиан должен был пройти.

Элиан знал об этом. Чувствовал её тень за спиной, её взгляд в моменты, когда опасность подкрадывалась тихо. И каждый раз ему хотелось подойти, сказать спасибо, спросить, зачем она это делает. Но он молчал. Потому что знал: она — Дракон. И любая близость с ней — как стоять у края вулкана и любоваться рассветом. Красиво. Но смертельно.

Глава 4

Элиан старался держаться от Лейлани на расстоянии — каждый раз, когда она смеялась или небрежно откидывала прядь волос, сердце у него сжималось, а разум шептал: «Это иллюзия, это дракон». Но Лейлани будто нарочно испытывала его стойкость: то появлялась на свете у окна башни с корзинкой экзотических фруктов, то шептала на ухо древние легенды, от которых по спине бежали мурашки.

Однажды ночью Элиан не выдержал и вышел во двор — там, в свете луны, Лейлани стояла в своём истинном облике: величественная, сверкающая чешуёй, с глазами, полными тихой грусти.

-

Я не прошу тебя забыть, кто я, — проговорила она низким, бархатным голосом. — Я прошу лишь не бояться того, что, между нами.

Когда Элиану исполнилось восемнадцать, он неторопливо шёл по мосту, сотканному из света. Искры плясали под ногами, будто шептали ему что-то на забытом языке, а воздух был густ от предчувствий — словно сама вселенная затаила дыхание.

Вдруг границы миров разошлись — тихо, без грохота, словно тонкая завеса чуть приоткрылась. И в этой мерцающей щели он увидел её — Селену, хранительницу миров. Она стояла будто на грани двух реальностей: наполовину здесь, наполовину, где-то ещё. Её волосы струились, как лунный свет, а в глазах отражались тысячи миров — целые галактики, рождённые и угасшие в одном мгновении.

И в тот самый миг, когда их взгляды встретились, время будто загнулось. Элиан не успел подумать, не успел испугаться или усомниться — он просто понял, что влюбился. Не бурно, не отчаянно, а так, будто нашёл то, чего всю жизнь не хватало его душе. В груди разлилось странное тепло, а мир вокруг стал ярче, чётче, значимее — словно именно ради этой секунды всё и существовало.

— А ты не из этих мест, — сказал Элиан спокойно. — Ты пришла через разлом? Я почувствовал лёгкую дрожь в воздухе.

Глава 5

Весть о том, что Элиан встретил Селену, долетела до Лейлани быстрее ветра — будто сами нити миров шепнули ей об этом. И когда она услышала, как в голосе Элиана звучит новое, незнакомое тепло, её драконье сердце сжалось от боли, острой и жгучей, как пламя.

В тот же миг, стоя на краю башни, где ветер рвал её волосы и заставлял мерцать чешую, Лейлани прошептала проклятие — не громкое, не предназначенное для чужих ушей, а тихое, выточенное из обиды и страха потерять то, что стало для неё дороже собственной силы.

— Пусть между ними всегда будет трещина, — проговорила она, глядя в сторону моста из света, где ещё недавно переливались искры счастья Элиана. — Пусть ни один мир не станет им домом, пока один из них не заплатит за эту встречу болью.

Слова упали в воздух, тяжёлые и холодные, и реальность едва заметно вздрогнула, будто приняла этот дар тьмы. А где-то далеко, на светящемся мосту, тонкая нить, связывавшая Элиана и Селену, на миг потемнела — словно тень легла на только родившееся чувство.

Часть 2. Зариф

Глава 6

Зариф пнул камешек у кромки воды, и тот, кувыркнувшись, ушёл в тёмную гладь без всплеска — будто сама вода не хотела с ним разговаривать. Селена стояла чуть поодаль, склонившись над прудом, и водила пальцами по поверхности, словно вышивала невидимые узоры.

— Опять ты тут шепчешься, — буркнул Зариф, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — Будто вода тебе ответит.

Селена не обернулась, но пальцы её на миг замерли.

— Она отвечает, — тихо сказала она. — Просто ты не слушаешь.

— Да я столько раз слушал, что теперь слышать не хочу, — огрызнулся он. — Хватит делать вид, будто всё так просто.

Он отвернулся, сунув руки в карманы, и уставился в лес, где сумерки уже тянули длинные тени. Ему хотелось уйти. Хотелось, чтобы его оставили в покое. Но уйти значило признать, что он боится остаться наедине с собственными мыслями. А этого он боялся больше всего.

И тогда память, как всегда, пришла без спроса — резкая, как пощёчина.

Ему было лет двенадцать. Трещина между мирами появилась внезапно — небольшая, едва заметная, как царапина на стекле, но из неё сочилась странная, тягучая тьма. Зариф смотрел на эту трещину и чувствовал, как внутри всё сжимается от страха... и от желания хоть что-то сделать.

«Я могу помочь», — подумал он тогда. Он ведь брат Селены, в нём тоже есть эта связь с водой, с отражениями. Пусть он не такой сильный, не такой «предназначенный», но он может попробовать.

Он потянулся к трещине, пытаясь накрыть её своей волей, как накрывают ладонью огонёк свечи. Зариф хотел «загладить» разлом, соединить края, вернуть всё на место.

Но вместо этого он услышал хруст — тихий, но отчётливый, будто треснуло что-то очень большое и очень хрупкое. Трещина не закрылась. Она дрогнула, исказилась, и сквозь неё хлынул не просто холод — а искажённое время, чужие эмоции, страх, который был старше самого мира.

А потом, спустя дни, недели, месяцы, эхо этого искажённого времени докатилось до реального мира. И там, в том мире, который Селена видела в воде, напряжение, копившееся годами, прорвалось. Началась война — та, которую позже, в том другом мире назовут Второй мировой.

Зариф не знал всех дат, не понимал всей политики, но он знал одно: это началось после того, как он попытался всё исправить.

Когда старшие наконец заметили, что он пытался сделать, на него посмотрели не с благодарностью, а с ужасом.

— Ты не должен был, — сказал старейшина, качая головой. — Ты нарушил баланс.

Селена тогда хотела подойти, сказать что-то утешительное, но даже она не смогла найти слов. И в её глазах он увидел то, что ранило сильнее любых упреков: страх. Она испугалась его. Испугалась того, что он может сделать.

С тех пор он решил: лучше пусть его считают подлым, чем слабым. Лучше пусть боятся его силы, чем жалеют за её отсутствие.

Флешбэк оборвался так же резко, как и начался. Зариф моргнул, и перед глазами снова был обычный пруд, обычная сестра, которая всё ещё стояла там, тихо водя пальцами по воде.

— Знаешь, что, — резко бросил он, не глядя на неё. — Не надо мне про воду рассказывать. Я уже всё про неё знаю. Я знаю, что она может сломать.

Селена наконец обернулась. В её взгляде не было ни упрёка, ни страха — только глубокая, почти невыносимая печаль.

— Я знаю, что ты думаешь, что сломал что-то важное, — тихо сказала она. — Но трещина была не твоя вина. Она была слишком большой для нас обоих.

— Не надо, — процедил он, отступая на шаг. — Не строй из себя мудрую хранительницу. Ты ничего не понимаешь.

Он развернулся и пошёл прочь, чувствуя, как внутри снова поднимается эта знакомая волна горечи. Пусть думает что хочет. Пусть верит в свои добрые сказки. Он-то знает правду. Он знает, что иногда одного неверного движения достаточно, чтобы изменить ход истории.

Глава 7

После инициации Селены Зариф будто стал острее слышать тишину в доме. Раньше он думал, что сестра просто прячется по углам, когда ему хотелось её поддеть, — а теперь замечал: она исчезает. Не на рынок, не к подругам, не собирать травы. Просто выходит за калитку — и будто растворяется. А потом возвращается с этой новой тишиной внутри, с взглядом, который будто видит не только то, что перед глазами.

Сначала он списывал это на её «хранительские дела»: мол, раз границы шатаются, ей положено туда-сюда шастать. Но однажды он проследил за ней. Не из заботы, не из любопытства даже — скорее из упрямства: ему казалось, что она что-то прячет, и ему хотелось поймать её на лжи, чтобы снова почувствовать себя тем, кто всё понимает, а она — нет.

Он крался по тропинке, пока она не остановилась у межевого камня, подняла клинок, и руны на нём вспыхнули мягким светом. Зариф замер, прижавшись к стволу старой ивы, сердце колотилось где-то в горле. Он видел, как воздух перед Селеной пошёл рябью, как она шагнула вперёд — и исчезла, будто её и не было.

А потом он увидел его.

В тот день Зариф снова шёл за ней, сам не зная зачем. На этот раз она не пошла к камням у пруда, а свернула к дальнему оврагу, где тропа терялась в тумане. Он не стал подходить близко, только выглянул из-за куста — и увидел: Селена стояла на узкой тропе между мирами, а напротив неё был незнакомец. Не воин, не разбойник, а какой-то странный тип в плаще, будто сотканном из сумерек. Они не дрались, не спорили — они просто стояли и говорили, и в том, как Селена смотрела на него, было что-то такое, от чего у Зарифа внутри всё сжалось. Не страх. Что-то другое. То, что он не умел назвать, но сразу понял: это не просто союзник. Это больше.

Зариф отступил, стараясь не хрустнуть веткой, и ушёл, не дожидаясь конца их разговора. Дома он молчал, отвечал на вопросы бабушки односложно, а сам всё прокручивал в голове эту сцену: как Селена чуть наклонила голову, слушая этого чужака, как её пальцы на миг коснулись рукава его плаща, будто проверяя, настоящий ли он.

А потом был тот вечер. Тот самый, когда он стоял у двери, слушал, как бабушка говорит про Совет, про опасность, про то, что Селене нельзя никому доверять. Каждое слово падало, как камень в воду, и круги от них расходились по его собственным мыслям.

«Либо лишат дара... либо заставят расстаться...»

И тут в нём что-то щёлкнуло. Не злорадство, не желание навредить — а странная, колючая уверенность: если он ничего не сделает, всё станет только хуже. Если Совет узнает от кого-то другого, если они придут внезапно, с холодным взглядом и железными словами — Селена сломается. А если он сам пойдёт и расскажет... может, удастся смягчить удар. Может, получится выторговать ей хоть что-то. Или хотя бы сделать так, чтобы она не смотрела на него потом с этим пустым, убитым взглядом, будто он предал её в самую тёмную минуту.

Так он себя убеждал.

Путь до зала Совета был долгим и серым. Каменные ступени, высокие двери, стражи в одинаковых плащах — всё это давило на грудь, заставляло идти медленнее, но он не останавливался. В голове крутились заготовленные фразы: «Она не хотела зла... Она просто не знала... Дайте ей шанс...»

В зале было прохладно и тихо, будто само место не любило лишних слов. Перед ним сидели пятеро в светлых накидках, их лица были спокойны, слишком спокойны — как маски.

— Ты — брат Селены, хранительницы восемнадцатого поколения, — проговорил старейшина, голос его звучал ровно, без осуждения и без тепла. — Зачем ты здесь?

Зариф сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Она... она связалась с кем-то из другого мира. С магом. Его зовут Элиан. Я видел их вместе. И я слышал, как бабушка говорила, что это опасно. Что Совет может... может лишить её дара.

Старейшина чуть наклонил голову, и в этом движении не было ни удивления, ни гнева — только холодная сосредоточенность.

— Ты понимаешь, что говоришь? Связь с иным миром для хранительницы — не просто проступок. Это угроза равновесию.

— Я понимаю, — кивнул Зариф, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но она не хотела ничего плохого. Она пыталась защищать границы. Просто... запуталась.

Один из членов Совета переглянулся с другим, и по этому едва заметному движению Зариф понял: они уже знали. Или подозревали. Его слова не стали для них откровением — скорее, подтверждением.

— Мы примем меры, — сухо произнёс старейшина. — Ты поступил... правильно, сообщив нам. Хранительница должна служить равновесию, а не своим чувствам.

Зариф кивнул, хотя внутри всё кричало, что «правильно» звучит сейчас как самое горькое слово на свете.

Когда он вышел из зала, небо уже темнело, и первые звёзды казались ему слишком яркими, будто смотрели на него с укором. Он шёл домой, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. В голове всё ещё звучали его собственные слова: «Она запуталась». Но теперь они отзывались эхом, искажённым, чужим.

Дома было тихо. Бабушка сидела у окна, будто ждала. Селены не было — она снова ушла, наверное, к разлому, чтобы встретиться с Элианом, чтобы сказать ему хоть что-то, пока ещё можно.

Бабушка подняла глаза на Зарифа, и в её взгляде не было гнева. Только усталость и печаль, глубокая, как старое озеро.

— Ты сходил к Совету, — сказала она не как вопрос, а как факт, который она уже приняла.

Зариф остановился, не решаясь подойти ближе.

— Да. Я думал... я думал, что так будет лучше. Что я смогу её защитить.

— Защитить от чего? — тихо спросила бабушка, и голос её дрогнул лишь на миг, но этого хватило, чтобы Зариф почувствовал себя маленьким и беспомощным, как в детстве, когда он разбил любимую чашку и пытался спрятать осколки.

— От них. От того, что они сделают с ней.

— А ты не подумал, что самое страшное для неё — это не их приговор? — проговорила бабушка, глядя на него так, будто пыталась разглядеть в нём того мальчика, который когда-то прятал лягушку в кармане, чтобы не обидеть сестру, которая её боялась. — Самое страшное — это знать, что тот, кто должен был стоять рядом, пошёл и отдал её им.

Слова ударили точно в грудь. Зариф открыл рот, чтобы возразить, объяснить, оправдаться, но не нашёл слов. Только прошептал:

— Я не хотел...

— Знаю, — тихо сказала бабушка, опуская глаза. — Ты никогда не хочешь делать больно. Просто иногда думаешь, что боль, которую ты выбираешь сам, будет легче той, что придёт сама.

Где-то за окном хрустнула ветка, и оба они замерли, прислушиваясь. Но это была не Селена. Просто ветер.

Бабушка встала, подошла к двери и закрыла её плотнее, будто хотела удержать в доме хоть немного тишины.

— Теперь остаётся только ждать, — проговорила она, и в этих словах было столько горечи, что Зариф впервые по-настоящему испугался — не за сестру, а за то, кем он только что стал.

Часть 3. Селена

Глава 8

Селене была очень юной девочкой. В этом возрасте всё кажется либо бесконечно важным, либо вовсе не стоящим внимания, и сегодня важным ей казался побег. Не настоящий, конечно, не с мешком и твёрдым решением никогда не возвращаться, — просто уйти туда, где никто не станет спрашивать, почему она всё время замирает, прислушиваясь к тишине, или смотрит в угол, где вроде бы ничего нет.

После утренней ссоры с братом Зарифом — он дразнил её за то, что она «всё выдумывает», а под конец зло бросил: «Да кому вообще нужны твои глупости!» — Селена схватила старую соломенную шляпу, сунула в карман кусок лепёшки и выскользнула за калитку. Она шла без дороги, огибая сухие кусты и стараясь не наступать на трещины в земле: в такие дни ей казалось, что земля сама шепчет предостережения.

Так она и добралась до маленького пруда на краю степи — места, которое знала с детства, но куда редко ходила. Здесь было слишком тихо, и тишина эта будто прислушивалась к ней в ответ. Селена не раз слышала от бабушки, что все хранительницы миров всегда приходили к этому пруду — не потому, что он какой-то особенный, а потому, что здесь легче услышать шёпот границ между мирами. «Вода сглаживает лишнее, — говорила бабушка, — и тогда становится слышно главное». Селена тогда кивала, будто всё понимала, а сама только крепче сжимала пальцы: ей хотелось верить, что когда-нибудь и она сможет слышать это «главное», а не просто видеть странные тени.

Селена знала, что однажды станет хранительницей миров. Дар просыпается ровно в восемнадцать, и до той поры нужно беречь глаза, уши и сердце — чтобы к сроку они остались чистыми. Она слушала эти слова, кивала, а потом долго лежала без сна, глядя в темноту. Она ждала этих восемнадцати лет — и одновременно боялась их. Как будто впереди её ждала огромная дверь: за ней — предназначение, сила, ответственность, а она всё ещё была маленькой, чтобы её открыть.

Вода лежала неподвижно, как тёмное стекло, и манила присесть, опустить в неё горячие от солнца пальцы, смыть обиду и жар дня.

Селена присела у края пруда. Она хотела просто ополоснуть руки, остудить разгорячённое лицо после долгой дороги, но вдруг замерла.

В отражении что-то было не так.

Там, в дрожащем зеркале воды, стоял не её привычный мир: не этот сад с пыльными дорожками, не старые деревья, склонившиеся над берегом. Вместо них тянулись незнакомые улицы — шумные, залитые холодным электрическим светом. По ним спешили люди в странной одежде, над крышами висели светящиеся вывески, а небо было серым, будто затянутым плотной тканью.

Селена наклонилась ближе. Отражение не дрогнуло, не рассыпалось рябью — оно держалось, как отдельная картина. И в нём, среди чужой суеты, мелькнуло что-то до боли знакомое: силуэт, похожий на её собственный, но старше, будто проживший ещё одну жизнь.

Она резко отдернула руку, и вода пошла кругами, стирая чужой город. Когда поверхность снова успокоилась, перед ней опять был тихий сад и закат, окрашивающий листья в медовый цвет.

Но сердце всё ещё стучало где-то у самого горла. И в груди росло странное, колющее чувство: будто она только что нечаянно заглянула туда, куда пока не должна была смотреть. Будто мир торопил её, шептал: «Ты уже готова», — а она ещё не была готова, ей всё ещё было двенадцать, и она хотела просто побыть обычной девочкой, которую никто не просит спасать миры.

Глава 9

С того дня у пруда Селена стала ходить туда чаще, но уже не как в побег, а будто по делу, которому её ещё не научили. Сначала она просто сидела на том же плоском камне, смотрела, как солнце красит воду в рыжий, и ждала, что отражение снова покажет чужой город. Но вода была послушной: в ней отражались только степь, небо и сама Селена — чуть бледнее обычного, с тёмными кругами под глазами от того, что она теперь подолгу не спала, прислушиваясь к тишине.

Шли месяцы, потом годы. Ей исполнилось четырнадцать, и мир вокруг будто стал тоньше. То она замечала, как тень от кувшина на столе не совпадает с тем, откуда падает свет. То в треске сухой ветки ей слышалось слово, будто кто-то окликнул её издалека. А однажды, наклонившись над медным тазом с водой, она увидела не своё лицо, а берег незнакомого моря — чёрный песок, волны, которые шипели, как змеи, и небо, где вместо солнца висел тусклый шар, похожий на остывший уголь. Селена так резко выпрямилась, что расплескала воду, и застыла, глядя перед собой и стараясь унять дрожь в пальцах.

К пятнадцати годам видения стали приходить не только в воде. Иногда, если она долго смотрела на гладкую стену или на тёмное стекло окна в сумерках, перед ней на миг проступали чужие пейзажи: лес, где деревья росли корнями вверх; город из прозрачного камня, по улицам которого плыли фигуры без лиц; пустыня, где песок был синим, а небо — розовым. Эти картины мелькали, как обрывки снов, и исчезали, стоило ей моргнуть или сделать шаг в сторону. Но они оставляли после себя странное чувство: будто она случайно приоткрыла дверь в соседнюю комнату, где всё устроено неправильно, и теперь эта неправильность тянулась к ней сквозь щель.

Селена никому не рассказывала. Даже бабушке, которая всё чаще вздыхала и говорила, что до восемнадцати лет нужно беречь сердце, она кивала и улыбалась, а про себя думала: «Слишком поздно. Оно уже не чистое. Оно уже видело». Она боялась, что, если скажет хоть слово, её запрут, станут шептаться, что она сошла с ума, или, хуже того, начнут учить её тому, чему она ещё не готова учиться. Поэтому она училась прятать дар: отводила взгляд, когда в углу комнаты начинала дрожать тень; делала вид, что не слышит шёпота, который иногда доносился из пустых углов; и старалась не оставаться одна с любой гладкой поверхностью, в которой можно было что-то увидеть.

Но от себя не спрячешься. К шестнадцати годам Селена поняла то, чего боялась больше всего: её дар просыпается раньше срока. И, кажется, он сильнее, чем у прежних хранителей. Ведь они, по бабушкиным рассказам, видели стыки миров — тонкие трещины, где один мир цеплялся за другой, как зацепившаяся нитка. А Селена видела сами миры. Не обрывки, не намёки — целые картины, будто кто-то подносил к её глазам зеркало и поворачивал его так, чтобы она могла заглянуть внутрь.

Однажды вечером, когда дом уже спал, Селена снова пришла к пруду. Луна висела низко, круглая и жёлтая, как медная монета, и её свет ложился на воду дрожащей дорожкой. Селена присела на свой камень, сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, и тихо, почти шёпотом, сказала в тишину:

— Если ты меня слышишь... если ты это делаешь... покажи ещё раз. Покажи всё, что можешь.

Вода не ответила. Она была гладкой, как чёрное стекло. Но когда Селена наклонилась, отражение не стало показывать её лицо. Вместо этого оно медленно поплыло, как будто кто-то стёр одну картину и начал рисовать другую. Сначала появился лес с перевёрнутыми деревьями, потом — город из прозрачного камня, потом — синяя пустыня. Образы сменяли друг друга, как страницы в книге, которую листает невидимая рука. И в какой-то момент, между двумя видениями, мелькнуло что-то ещё: не пейзаж, а лицо. Не чужое, но и не совсем её собственное — старшее, усталое, с глубокими морщинами, а глаза были залиты кровью. Ровно так как она и представляла себе в детстве, когда бабушка читала ей сказки про демонесс и суккубов, пытающихся совратить прекрасных рыцарей. Это лицо на миг задержалось, будто хотело что-то сказать, а потом растворилось в ряби.

Селена отшатнулась. По воде пошли круги, и в них снова отразились степь, луна и она сама — обычная девочка в поношенном платье, с растрёпанными волосами и с глазами, в которых плескался чужой свет.

Она долго сидела, обхватив колени руками, и слушала, как стучит сердце. Теперь она знала точно: дар не просто проснулся раньше. Он был другим. Сильнее. И если прежние хранители стояли на стыках и следили, чтобы миры не сталкивались, то ей, возможно, придётся делать что-то большее. Может быть, видеть то, что скрыто. Может быть, слышать то, что никто не должен слышать. А может быть, однажды ей придётся шагнуть в одно из этих отражений и закрыть дверь с той стороны.

И самое страшное было в том, что она уже не могла сказать: «Я не готова». Мир не спрашивал. Он просто показывал.

Глава 10

Восемнадцать лет подкрались тихо, почти незаметно — будто мир нарочно не хотел привлекать к этому дню лишнего внимания. Никаких торжественных знамён, никаких толп гостей: только рассвет, который Селена встретила у пруда, и бабушка, стоявшая чуть поодаль, в тени старого дерева, с узлом в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.